

Библиографический список

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 776 с.
2. Голанова, Е.И. Устный публичный диалог: жанр интервью [Текст] / Е.И. Голанова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 427-452.
3. Донец, П.Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Донец Павел Николаевич. – Харьков, 2004. – 367 с.

Н.Д. Кручинкина
Саранск, Россия

ТРАНСПОЗИЦИЯ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТИТУЕНТОВ ПРОПОЗИТИВНЫХ СИНТАГМ

Процесс наиболее жесткого способа подчинения – согласования при подчинительных отношениях приводит к той или иной степени уподобления зависимого компонента главному. Такого рода уподобление происходит и в пропозитивных номинантах, т.е. событийных знаках с пропозитивным оформлением означающих. Та степень уподобления, при которой зависимый компонент синтагматически обусловлено выводит на первый план одно из вторичных значений, приводит к так называемой семантической транспозиции [Балли 1955: 130–143].

Следствие определенного семантико-грамматического подчинения зависимого конституента синтагмы главному было описано во французской лингвистике Ш. Балли, Л. Теньером, Ж. Дюбуа. Оно получило в их работах разное наименование. Ш. Балли назвал это явление транспозицией [Балли 1955: 13–131], Л. Теньер – трансляцией [Tensière 1959: 361–642; Теньер 1988: 375–612]., Ж. Дюбуа – трансформацией [Dubois 1967: 29–31; 44–48]. Все эти термины семантически мотивированно называют переход конституента синтагмы в другой лексико-семантический класс или подкласс, в другую категорию или субкатегорию.

Наиболее распространенным термином для означивания этого явления оказался термин Ш. Балли *транспозиция*. Нами он также заимствован для обозначения того явления, которое имеет в языке очень широкий диапазон действия, проникая во все сферы языка – морфологию, синтаксис, семантику

и даже фонетику [Кручинкина 1995: 277–278]. Фактически транспозиция относится к числу универсальных языковых проявлений субординативных отношений [Кручинкина 2008: 117–118]. Ш. Балли, которому принадлежит введение термина *транспозиция*, считает, что «всякое управление предполагает транспозицию» [Балли 1955: 138].

Большое внимание уделяет этому явлению, которое он называет трансляцией, Л. Теньер [Tesnière 1959: 361–642; Теньер 1988: 375–608]. Он признает огромную важность трансляции и описывает всю возможную многоступенчатость и глубину процесса, посвящая анализу этого феномена в своем труде значительное место. Л. Теньер, будучи синтаксистом, указывает на синтаксическую природу трансляции [Теньер 1988: 379].

Семантическая транспозиция конкретных лексем, принадлежащих к той или иной лексико-семантической группе (ЛСГ), возможна потому, что они в своей парадигматической сущности многозначны. В реальной жизни языка знаковые образования практически не бывают моносемичными. Это связано с особенностями мыслительной, а, следовательно, и означающей деятельности носителей языка. Развитие многозначности лексем тесно связано с востребованностью каждой из лексических единиц для означивания или новых реалий, или новых семантических аспектов уже имеющегося инвариантного значения.

Внутренняя семантическая структура многозначных лексем отличается сложностью, иерархичностью организации. При транспонировании значения конкретной лексемы, либо категориальной семантемы актуализируется одно из их значений, поэтому, как отмечает В.Г. Гак, при транспозиции обычно происходит сдвиг в значении [Гак 1986: 65].

Парадигматические свойства языковых единиц могут проявиться только в определенных синтагматических условиях. При изменении парадигматически заданных лексико-семантических дистрибутивных характеристик зависимого конституента синтагмы, т.е. его синтагматического окружения, свойственного для реализации его базового значения, имеет место его семантическая транспозиция.

Мы считаем, что транспозиция единиц любого уровня языка и семантическая транспозиция в том числе обусловлены рядом факторов. Среди них можно выделить с одной стороны факторы системного, с другой – структурного характера.

Каждый элемент языка, так как это отдельный элемент, и одновременно элемент системы, обладает свойствами внешней целостности в рамках

системы и внутренней целостности (отдельности). Во всех элементах с определенной внутренней структурой существует ядро – статическая, сущностная часть, которая сохраняет свойство элемента «быть самим собой», и динамическая часть структуры – своего рода электронная оболочка. Эта неядерная часть парадигматической структуры значения, являющаяся следствием регулярных синтагматических реализаций одной или нескольких сем первичного значения, является той самой «контактирующей» с системой частью структуры значения лексемы, которая обеспечивает динамическую связь с системой.

На уровне частей речи это – тот общий содержательный сегмент значения категориального слова (части речи), который определяет возможность перехода одной части речи в другую [Кручинкина 1990: 63–64; Кручинкина 1998б: 60]. В рамках частей речи данный переход обусловлен тем, что каждая категория наряду с первичным, категориальным значением (ядром) содержит вторичные, межкатегориальные значения (периферию) [Гак 2000: 113–114], которые и создают базу для их актуализации в соответствующих условиях, т.е. при изменении характера окружения языкового элемента [Курилович 1962: 57–66]. Известно, что переход из одной сущности в другую возможен только при наличии у исходной сущности общих с производной сущностью компонентов значения (общих сегментов), подобно общему сегменту значения синонимов [Кручинкина 1998б: 60]. Поэтому процесс транспозиции характеризует все языковые уровни, начиная от фонологического. Не случайно Е. Курилович находит черты сходства (структурный параллелизм) между, казалось бы, весьма непохожими конструкциями (слогом и предложением): «звуковым комплексом» и «семантическим комплексом». В его интерпретации, «звуковые комплексы (например, слог) и семантические комплексы (например, предложения) независимо от функциональных отношений, которые их объединяют, обладают глубоким структурным параллелизмом» [Курилович 1962: 21].

Мы находим этот параллелизм в подчинительном характере линейных отношений единиц любого уровня: в синтагмах соответствующего уровня. Подчинительный характер связи может характеризовать не только грамматические образования, но и лексические единицы с их иерархически организованными лексико-семантическими вариантами значений (ЛСВ) в рамках парадигм значений лексем. Подчинительный характер комбинаторики фонетических конститuentов синтагм на фонологическом

уровне проявляется в фонетической ассимиляции и диссимиляции [Кручинкина 1995: 277–278].

В качестве транспонируемых элементов в вариантных синтагматических выражениях могут выступать отдельные лексемы, а в пропозитивных синтагмах – синтаксемы, словосочетания, члены предложения.

Ш. Балли, признавая транспозицию на всех содержательных уровнях (грамматическом и семантическом), различает грамматическую (функциональную) и семантическую транспозицию [Балли 1955: 131, 138]. Семантическая транспозиция простого знака может представлять собой: 1) конкретную регулярную речевую реализацию потенциальной парадигматической транспозиции, 2) нерегулярную речевую, контекстуальную семантическую транспозицию значения, не зафиксированную словарем [Кручинкина 1985б: 92].

Мы различаем межкатегориальные и внутрикатегориальные разновидности транспозиции. В.Г. Гак называет такие виды транспозиций, соответственно, межклассными и внутриклассными. Первые имеют место «на пересечении однотипных структур», вторые – «на пересечении разных структур» [Гак 1977а: 263].

Взаимосвязи и взаимозависимости обнаруживаются в возможности представителей однопорядковых категорий (морфем, частей речи, лексико-семантических групп) переходить в другую категорию того же порядка: например, в рамках категории частей речи – из класса существительных в класс прилагательных; из класса существительных (находя иное суффиксальное окружение для корневой морфемы) в класс глаголов; в рамках лексико-семантических групп – из одной лексико-семантической группы в другую и т.п.

Поэтому при описании явления транспозиции во внутрilingвистическом плане в одних случаях отмечается суть самого процесса транспозиции – переход из одной категории (лексико-грамматического класса) в другую (другой), в других указывается на синтаксический или лексико-семантический аспект транспозиции. Ш. Балли обращает внимание на все эти аспекты.

Если формирование вторичных лексических значений в парадигме значений лексем происходит в диахроническом измерении, то при синтагматически обусловленной транспозиции зависимые компоненты синтагм транспонируются в синхронной системе формирования вариантов.

Соответственно, такого рода синтагматическая транспозиция проявляет склонность к большому динамизму и используется при формировании асимметричных способов выражения категориальных пропозитивных значений.

В процессе семантической транспозиции лексем происходит их вторичная, синтагматически обусловленная, номинация [Кручинкина 1996б: 148–149; Кручинкина 2003: 107–108]. Вторичные номинации характеризуются В.Г. Гаком как возникающие из «употребления языковых единиц вне их прямой функции» [Гак 1998: 220 – 223].

Говорящий при коммуникации и для выражения нестереотипного отражения пропущенной через сознание объективной действительности может использовать существующие имена во вторичных значениях. При этом имя помещается в несвойственное для его первичного значения лексико-семантическое или функционально-синтаксическое окружение. Тогда оно реализует одно из вторичных значений, выводя его в данном контексте на первый план. В этом случае говорят о транспозиции первичного значения лексемы, синтаксемы, члена предложения.

Семантическая транспозиция относится к одному из этапов процесса семантического согласования. Если иметь в виду семантическое согласование не как процесс, а как результат процесса, то его следует отличать от семантической транспозиции. При семантическом согласовании как процессе речь идет о самом жестком варианте подчинения – семантическом уподоблении семантически зависимого члена семантически главному. Семантическая транспозиция, как и транспозиция конstituента синтагмы любого уровня (в том числе фонологического), собственно, и является следствием этого жесткого подчинения: при изменении лексико-семантического окружения грамматически подчиненный компонент синтагмы претерпевает семантическую модификацию в зависимости от этого измененного окружения. При этом синтагматически актуализируется одна или несколько сем семантической парадигмы значения лексемы, выходя в соответствующей лексико-семантической дистрибуции на первый план в рамках принципа семантического согласования [Кручинкина 2002: 86–91].

Проблема транспозиции языковых единиц, тем более как конstituентов такой сложной языковой единицы, как предложение, затрагивает множество фундаментальных вопросов, в том числе и до конца не разработанный вопрос категориальной номинации (первичное знакообразование) на уровне

предложения. Проблема вторичной, косвенной номинации (с семантической транспозицией пропозитивных конститuentов) тесно связана с проблемой первичной номинации.

Основными разновидностями семантической транспозиции являются метонимизация и метафоризация лексем, в том числе и лексем, являющихся конститuentами пропозитивных синтагм.

Метафоризация и метонимизация могут быть изучены в разных аспектах. Наиболее интересной в своих проявлениях исследователям представляется метафора. Существуют работы по философско-логическому осмыслению метафоры как семантической формы проявления транспозиции [Konrad 1958: 7–130; Molino 1979a; 1979b], по ее концептуальному аспекту, в том числе и как следствию создания субъективного образа объективного мира [Лакофф 2004]. Метафора исследуется также в сигнификативном и номинативном планах [Henry 1971: 53–59, 64–73; Le Guern 1973: 12–54].

Для нас наиболее важно исследовать метафору в синтагматическом плане для выявления ее синтагматико-комбинаторного аспекта в пропозитивных номинантах при реализации вторичных семантических признаков в определенных семантико-грамматических дистрибутивных условиях. Это важно для выявления пропозитивных вариантных выражений того или иного категориального пропозитивного инварианта.

Семантическая транспозиция пропозитивного характера в рамках целостной пропозитивной синтагмы имеет место при различного рода трансформациях ядерных структур и при соответствующих нарушениях симметрии между функционально-семантической структурой означаемого и позиционно-функциональной структурой означающего: синтагматическое значение одушевленности и вызывает метафорический эффект называемого действия.

При метафоризации значений лексем (развитии переносных, вторичных значений), как при любой разновидности семантической транспозиции, в номинативном плане происходит вторичная номинация: рекатегоризация [Гак 2000: 126–127] или (в иной терминологии) – вторичная репрезентация таких лексем [Болдырев, Бабина 2001: 79–86] и их последующая перекатегоризация [Болдырев 2001: 40–55].

Ш. Балли интерпретирует метафору традиционно – как сравнение двух представлений и как репрезентацию результатов ассоциации двух сравниваемых понятий в виде одной лексемы, которая имеет в качестве референта (основы для сравнения) конкретный объект (*objet sensible*) [Bally

1919: 187]. Лингвист интерпретирует причину использования метафоры как «леность мысли и ее выражения» (*paresse de pensée et d'expression*) [Bally 1919: 188]. Наряду с этим он, возможно, первым отметил антропоцентризм как одну из важнейших причин метафоризации значений. Им, по мнению Ш. Балли, можно объяснить появление в языке таких метафор как *le soleil se lève, le vent souffle, l'arbre agite les branches*. Ср. также: *Le soleil de midi tomba en large pluie sur les champs* (Maupassant). *Le vent court dans la plaine et jette des poignées de feuilles mortes dans les sillons roux* (Gamarra).

При изменении лексико-грамматических характеристик существительных или их эквивалентов в роли подлежащего в глаголах звукопроизводства животного происхождения (*glapir, hurler, beugler, mugir, roucouler* и др.) в сочетании с другими антропонимами на базе категориальной семы 'звук' происходит семантическая ассимиляция значения антропонимичности под влиянием семы антропонимичности, содержащейся в семантической структуре значения лексем, выступающих в функции подлежащего: - *Non, mais vous allez vous presser tous les deux! glapit Mme Rezeau (Bazin). Il beugle ses chansons plus qu'il ne chante vraiment. Le blessé hurlait de douleur. Il roucoulait auprès d'une femme (Dubois)*. В этих случаях имеет место синтагматически обусловленная семантическая метафоризация значений фаунонимичных глаголов.

В других случаях персонификация может быть связана с метонимизацией подлежащего, переименование которого влечет за собой синтагматически детерминированную метафоризацию глагола или глагольной синтагмы [Кручинкина 1998а: 23–28]: *La petite église recommençait à sonner* (Maupassant). *La ville avait à demi rendu l'âme* (Hérial). *Ses lourds bracelets venaient de Tolède* (Petit Robert). *Une berline vint chercher rue Saint-Rèles demoiselles Ruiz* (Benoît). *Seules les math's élémentaires ouvraient toutes les carrières* (Troyat).

Согласно нашим наблюдениям в пропозитивной глагольно-именной синтагме семантически подчиняющим (или подчиняющими) компонентом (или компонентами) являются субстантивные имена. Именно они формируют семантическую рамку отношений [Кручинкина 1999б]. Глагольный же компонент синтагмы в лексико-семантическом отношении синсемантичен: употребление той или иной глагольной лексемы или семантемы непосредственно связано с лексико-семантическими характеристиками субстантивных лексем пропозитивных синтагм заданных категориальных пропозитивных значений: ср: *La mère donne un bonbon à sa*

filles / La mère donne un coup de téléphone à sa fille; La mère écrit une lettre à sa fille / La mère lit un conte à sa fille. Соответственно, в случае семантической транспозиции первичных значений субстантивных лексем при их заданных функционально-синтаксических отношениях друг с другом, в соответствии с принципом семантического согласования, глагольная лексема также претерпевает семантическую транспозицию. Ср.: *Le facteur a apporté des lettres, il les a déposées dans la boîte* (Lexis) / *Cette deuxième lettre de rupture blessait plus que la première* (Troyat). *Le soleil jette ses dernières clartés* (Lexis). / *La foule jetait les mots de compassion à la femme* (Bertheaut) [Кручинкина 1996: 93–94].

Метафоризация глагольных сказуемых может возникать самостоятельно/ В этом случае направление семантической транспозиции идет от глагола к имени. Метафорический импрессионизм [Krouthinkina 1998] широко используется в художественной литературе: *Le soleil de midi tomba en large pluie sur les champs* (Maupassant). ... *Agnès reçut la gifle de l'Occupation* (Hérial). *Le vent court dans la plaine et jette des poignées de feuilles mortes dans les sillons roux* (Gamaña). ... *les moteurs d'automobile ne ronflaient plus* (Hérial). Но даже в этом случае образность представления ситуации в художественном произведении возможна при употреблении в качестве предикатов глагольных лексем, которые имеют коннотативные значения в лексически нестереотипных предикативных словосочетаниях: *Oh! le lait fout la camp* (Troyat). *La bouilloire chantait* (Troyat). *Toutes les gouttières chantaient* (Troyat).

Не вызывает сомнения, что метонимия как другой распространенный способ семантической транспозиции представляет не меньший интерес для изучения, чем метафора. И этот факт осознается учеными [Хованская 1984: 291-292; Кручинкина 1998а: 23–28; Раевская 2000: 49].

При описании функционирования языка французские лингвисты используют точку зрения Р. Якобсона, который интерпретирует метонимию и метафору как явления, принадлежащие к двум различным осям функционирования языка: оси селекции (метафорическая ось) и оси комбинаторики (метонимическая ось) [Rey-Debove 1979: 98; Pierrot 1993: 201; Baylon, Fabre 1978: 118]. К. Бэйлон и П. Фабр считают принадлежность метонимии и метафоры к различным осям дополнительным аспектом их сущности [Baylon, Fabre 1978: 118]. Уточняя мысль Р. Якобсона, Ж. Рей-Дебов считает, что метонимия представляет собой проекцию

«парадигматического плана на синтагматический» и «комбинаторную и контекстурную легкость» [Rey-Debove 1979: 98].

Отечественные лингвисты отмечают связь между метафоризацией и метонимизацией конstituентов пропозитивных синтагм и их синтаксическими функциями как членов предложений [Арутюнова 1978; Кручинкина 1998а; Кручинкина 1996б: 148–149; Кручинкина 2000: 330]. Метафорическая транспозиция на уровне предложения в ее квалификативной функции обычно связана с предикатом, тогда как метонимическая в ее идентифицирующей номинативной функции – с именем в функциях подлежащего, прямого или косвенного дополнений или обстоятельства [Арутюнова 1978: 251–262].

Метонимическая транспозиция пропозитивного характера связана с переименованием первичных семантических функций функциональных синтаксических конstituентов предложения и является следствием трансформации ядерной структуры инварианта той или иной пропозитивной категории: 1) *Son choix se portait sur la symphonie en ut mineur de Beethoven* (Troyat). 2) *Un élan intérieur souleva Françoise* (Troyat). 3) *Un bruit, au loin, l'a fait tressaillir* (Troyat). 4) *Un vif regard de Françoise la remercia* (Troyat).

Такого рода метонимизация имеет функционально-семантическую природу. Так, при функциональной метонимизации пропозитивной природы в таких случаях в роли подлежащего оказывается не агент действия (имя лица), а имя предмета (классическая пассивная трансформация – первый пример), имя причины действия (второй пример), имя события (действия) (третий пример), способа действия (четвертый пример) и др. Во всех этих случаях происходит функциональное переименование: функционально-семантическая разновидность транспозиции, т.е. функционально-семантическая (пропозитивная, дискурсивная метонимизация [Кручинкина 1998а: 23–28; Раевская 1999: 3–12].

Метонимическая транспозиция пропозитивного характера связана с переименованием первичных семантических функций функциональных синтаксических конstituентов предложения и является следствием трансформации ядерной структуры инварианта той или иной пропозитивной категории: 1) *Son choix se portait sur la symphonie en ut mineur de Beethoven* (Troyat). 2) *Un élan intérieur souleva Françoise* (Troyat). 3) *Un bruit, au loin, l'a fait tressaillir* (Troyat). 4) *Un vif regard de Françoise la remercia* (Troyat).

Такого рода метонимизация имеет функционально-семантическую природу. Так, при функциональной метонимизации пропозитивной природы

в таких случаях в роли подлежащего оказывается не агент действия (имя лица), а имя предмета (классическая пассивная трансформация – первый пример), имя причины действия (второй пример), имя события (действия) (третий пример), способа действия (четвертый пример) и др. Во всех этих случаях происходит функциональное переименование: функционально-семантическая разновидность транспозиции, т.е. функционально-семантическая (пропозитивная, дискурсивная метонимизация [Кручинкина 1998а: 23–28; Раевская 1999: 3–12]

Метонимическое переименование референта способствует формированию вариантов лингвистического выражения типовых ситуаций в рамках пропозитивных номинативных парадигм: *Les journaux spécialisés publiaient sa photographie* (Troyat) ← *On publiait sa photographie dans les journaux spécialisés. Un disque jouait en sourdine; une chanson langoureuse, en italien* (Troyat). Cf: *On faisait jouer un disque. La porte s'ouvrit*(Troyat). Cf.: *Carole ouvrit la porte.*

Мы разделяем точку зрения, согласно которой метонимия в пропозитивной синтагме имеет в синтагматическом плане функционально обусловленный характер [Арутюнова 1978], т.е. относится к оси комбинаторики. Метонимический эффект, например, проявляется в том случае, когда неодушевленное подлежащее, обозначающее неактивную субстанцию, вступает в дистрибуцию с активным глаголом-предикатом: *Une déception la saisit* (Troyat). *Un sentiment de délivrance le pénétra* (Troyat). *Une stupéfaction douloureuse marqua son visage* (Troyat) [Кручинкина 1996а : 82–89]. Этот факт можно объяснить также нарушением симметрии между означаемым и означающим пропозитивных знаков, что имеет место в вариантных пропозитивных выражениях категориального содержания, т.е. при пропозитивных трансформациях. В рамках этих трансформаций семантико-функциональная рекатегоризация субстанциальных конstituентов пропозитивных синтагм может быть представлена в их статусе семантико-синтаксических транспозитов.

Очень часто метонимическая транспозиция пропозитивного конstituента, выраженного существительным, тесно связана, как было замечено, с асимметрией между его синтаксической функцией и его семантической ролью. В этом случае может иметь место символизация [Кручинкина 1998] роли агента действия благодаря его позиции грамматического подлежащего: *Son regard caressait les épaules, le visage de Jean-Marc* (Troyat). *La voiture se rangea au bord du trottoir* (Troyat). *Un léger*

bruit le réveilla (Troyat). *Ce jugement rencontra en Madeleine une approbation immédiate* (Troyat).

Метонимический символизм может проявляться в различных формах. Функциональное переименование объекта является одним из вариантов его реализации: семантический объект становится грамматическим подлежащим: *La porte s'ouvrit et Daniel entra* (Troyat). *La machine se rua sur moi* (Vian) (сф.: *Daniel ouvrit la porte et entra. Le chauffeur dans sa voiture se rua sur moi*). Грамматические подлежащие являются своего рода символами (лексическими представителями) другого функционального содержания. Тот же эффект представлен в *Cette deuxième lettre de rupture la blessait plus que la première* (Troyat). Синтаксическое подлежащее *la lettre* не является субъектом действия, остается только его функциональным символом благодаря переименованию первичного содержания лексемы *lettre* в функциональной дистрибуции синтаксического подлежащего и в лексической дистрибуции, свойственной этому функциональному символу (*blessait*). Агент действия (некое лицо, написавшее письмо) не указывается в предложении: он имплицирован в реализованный результат его действия (письмо). Таким образом, семантически лексема *lettre* в своем синтагматическом значении является средством для произведения определенного.

В определениях сущности метонимии обычно указывается на ее основной отличительный признак: переименование денотатов [Кручинкина 2004: 40]. М. Ле Герн, К. Бейлон и К. Миньо называют эту способность метонимии смещением референции (*glissement de la référence*) с одного объекта на другой [Le Guern 1973: 15; Baylon, Mignot 2000: 210]. Однако такое переименование осуществляется не произвольно: оно происходит на основе связи смежности между исходным объектом или понятием и тем объектом или понятием, название которого послужило основой для переименования. Она может быть 1) зримой для именующего субъекта или 2) логически осмысленной. Такая связь традиционно отмечается лингвистами во всех определениях метонимии [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 300; Новиков 1982: 195, Duchacek 1967: 123; Guiraud 1966: 52; Lehmann, Martin-Berthet 1998: 82; Niklas-Salminen 1997: 137; Touratier 2000: 75; Ullmann 1952: 284]. Поэтому понятно, почему А. Пьеро относит метонимию к денотативной, а метафору – к сигнификативной транспозиции [Pierrot 1993: 201].

Семантическая транспозиция конstituентов синтагм часто является следствием их грамматической транспозиции. В пропозитивных синтагмах, которые имеют свою специфику, семантическая транспозиция может иметь место не только на уровне простых семантических изменений, которые происходят в обычном словосочетании и выявляются на лексическом уровне в изменении иерархии сем парадигматического инварианта значения лексем.

Соответственно, семантическая транспозиция в глагольно-именных пропозитивных синтагмах имеет место при изменении лексико-грамматической или лексико-семантической дистрибуции отдельных компонентов пропозитивной синтагмы: 1) относительно глагольного релятора или 2) глагольного релятора относительно лексико-семантического субстантивного окружения.

Наш анализ пропозитивных синтагм позволил увидеть не только значимость метонимии и метафоры самих по себе, но и их взаимообусловленность в пропозитивных синтагмах: ...*la ville avait à demi rendu l'âme* (Hérial). *Un orchestre, au fond du second salon, jouait une valse* (Maupassant). ...*il (le drapeau) offensait de son vermillon cru et de son symbole géométrique cette facade renaissance...*(Hérial).

В пропозитивных синтагмах часто имеет место синтагматическая зависимость метафоры от метонимии в рамках пропозитивного номинанта [Кручинкина 1999а: 133–135]. Мы нашли идентичный вывод у З.И. Хованской, которая утверждает, что «метафоризация очень часто бывает связанной с метонимической транспозицией значения» [Хованская 1984: 291-292]. Такая метафора может быть названа синтагматически обусловленной метафорой: *Que diras-tu ce soir, pauvre âme solitaire Que diras-tu, mon coeur...?* (Baudelaire). *Paris a froid, Paris a faim* (Eluard). Поэтому в целом ряде случаев глаголы, традиционно интерпретируемые как самостоятельные метафоры, мы склонны считать следствием метонимизации (в частности, подлежащего). Метонимизация подлежащего в результате действия закона семантического согласования приводит в сигнификатном плане (на лексическом уровне) к эффекту метафоризации [Кручинкина 1999а: 133–135]: *Les Bureaux trouvèrent ces conditions exorbitantes...*(Balzac). *Ces pensées se pressaient en moi* (Maurois). *La feuille de présence circulait entre les élèves...*(Троуат). Ср. в русском: ... *дверь приоткрылась, и женская заплаканная голова злобно сказала: "Товарищ Коротков, идите жалование получать"* (Булгаков). *Канцелярия тотчас зашумела и разбежалась* (Булгаков).

Вследствие нарушенного функционально-семантического согласования метонимизация обычно сопровождается метафоризацией глагола-предиката, которая является семантически синтагматически обусловленной.

Особое место в семантической транспозиции глагольных компонентов синтагм занимают устойчивые сочетания слов [Гак 1966: 236–254]. Поэтому предложения с устойчивыми сочетаниями слов представляют особый интерес [Кручинкина 1984: 67–77].

Повышенная склонность к семантической транспозиции глаголов в устойчивых сочетаниях слов связана с 1) их «широкой» семантикой, 2) с семантической перенасыщенностью постглагольного члена (второго актанта), сочетающего в себе семантику самой лексемы и, кроме того, ее деривативного генезиса (той части речи, которая послужила основой морфологической деривации). Свойство производного слова иметь и свое собственное, и заимствованное значение производящей основы Е. С. Кубрякова относит к двойной референции [Кубрякова 1981: 152–178].

Высокая степень синсемантности глагольных релятивов облегчает их синтагматически обусловленную семантическую транспозицию [Кручинкина 1984: 68]. Приведем пример двух устойчивых сочетаний слов с одним и тем же глаголом: *Je savais qu' il allait me balancer une vacherie* (Berteaut). *Il a de nouveau balancé à Edith sa petite claque habituelle* (Berteaut).

В первом предложении семантический компонент *balancer* составного глагольного сказуемого в сочетании с постглагольным именем *vacherie*, обозначающим речевое действие, означает речевую адресацию, во втором этот глагол, в сочетании с постглагольным именем физического действия (*claque*), в абсолютно идентичной в синтаксическом отношении конструкции (трехактантной конструкции) при неизменном в категориальном лексическом плане составе других актантов (и первый и третий актанты выражены антропонимами) обозначает не речевую, а материальную (физическую) адресацию [Кручинкина 1985а: 103–104].

В.Г. Гак явление глагольной транспозиции, возникающее в устойчивых сочетаниях слов, называет рассогласованием и связывает семантическое рассогласование между глагольным релятором и синтаксически связанным с ним производным существительным с десемантизацией глагольного релятора [Гак 1966: 283–284; 287–288; Гак 1977б: 234–244]: «при десемантизации слово как бы отрывается от своего первоначального значения. Этот отрыв происходит и при возникновении у слова переносного значения. Вот почему использование слова в полуслужебной функции

нередко связано с развитием у него переносного значения. Нередко мы встречаемся с тем, что в прямом значении слово используется с полным своим семантическим объемом, а в переносном – как полуслужебный элемент» [Гак 1966: 288].

В устойчивых сочетаниях слов особенно отчетливо проявляется семантически зависимая роль глаголов в функции сказуемых (в связи с их синкатегорематическим характером) и, как следствие, их семантическая транспозиция: ср.: *La mère envoyait tous les jours des lettres à son fils / Paul envoyait une gifle à Edith* (Berteaut). В первом предложении глагол *envoyer* означает действие адресации, связанное с почтовым отправлением благодаря лексическому окружению *lettres*. Во втором примере при изменении лексического окружения глагол *envoyer* благодаря лексико-семантическому согласованию с семантическим содержанием лексемы *gifle* ассимилирует ее контекстуальное значение (действие + активное + физическое + направленное). В этом лексико-семантическом контексте сема, которая означает способ действия (*с помощью почтовой связи*) нейтрализуется, а на первый план выступает сема 'действие'.

Семантико-грамматическая перенасыщенность постглагольного существительного из-за семантической экономии порождает, с одной стороны, частичную десемантизацию глагола, присутствие которого в окружении конститuenta *gifle* отглагольного происхождения избыточно. С другой стороны, тот же факт выводит на авансцену копулятивную функцию глагола. Существительное *gifle* находится в семантически сильной позиции: оно соединяет в себе семантическую значимость глагольной основы ('действие') и семантическую значимость существительного, категориальную форму которого оно принимает и поэтому начинает обозначать субстанцию. Глагол *envoyer* во втором примере может быть заменен глаголом *donner* (*donner une gifle*). Семантическая избыточность глагола *envoyer* может быть подтверждена его опущением и заменой на глагол *gifler*.

Семантическая транспозиция как и любая другая транспозиция имеет место в зависимом компоненте, в нашем случае в семантически зависимом компоненте: ср.: *La mère donne des bonbons à sa fille / La mère donne des conseils à sa fille*. Если синтаксически глагол управляет своим окружением, то семантически он подчинен семантике своего окружения: в словосочетании глагол *donner* согласуется с постглагольным конститuentом *bonbons* (конкретным существительным с материальным значением). При этом

актуализируется сема 'материальность' и глагол начинает означать материальную адресацию. Во втором примере словосочетание *donne des conseils* представляет собой устойчивое сочетание слов, в котором глагол *donner* в семантически слабой позиции ассимилирует значение глагола *dire* благодаря лексическому окружению *conseils*. Эта лексема глагольной природы содержит сему 'способ действия' ('слово'), что позволяет синкатегорематическому компоненту ассимилировать значение информационной адресации.

В первых теоретических работах по семантике, как отмечает П. Гиро тропы группируются в логические рамки в зависимости от разновидности логической формы изменения значений: сужения, расширения или транспозиции (*transfert*) или переноса значения [Guiraud 1966: 43]. (парадигматическая когерентность логической, концептуальной модели развития значений лексем). Метафора и метонимия относятся к разновидностям переноса значений.

К транспозиции значений приводят и некоторые синтагматические операции, в этих случаях транспозиция значений оказывается результатом, а не целью этой операции. П. Гиро показывает механизм этой транспозиции. Он приводит пример с *capitale* ← от *la ville capitale de la France*, которая становится *capitale de la France*, а затем – *la capitale*, и с *des italiques* ← *des caracteres d'imprimerie italiques*.

Изменение категории транслированного конституента Л. Теньер определяет лишь как первый этап трансляции. Эта рекатегоризация, как замечает лингвист, приводит к изменению функции, что, в свою очередь, "обуславливает все структурные потенции слова" [Теньер 1988: 378].

Описание этих двух разновидностей семантической транспозиции в рамках семантической морфологии значения приводится в ряде работ [Duchaček 1967: 123–154; Guiraud 1966: 42–66; Ullmann 1952: 277–292; Mounin 1972: 177–178; Tutescu 1975: 177–178].

Метонимия отмечается при изменении не только имени обозначаемого объекта, но и при изменении функции этого объекта в синтаксисе предложения. Так, неодушевленные существительные в позиции подлежащего, по аналогии с ядерным предложением, должны представлять семантическую функцию агента действия. В том случае, когда позиция подлежащего используется для выполнения иной семантической функции, речь идет о функциональной метонимии: *La bêtise, la naïveté, l'entêtement de*

son fils le décourageaient (Troyat). *Un bruit, au loin, la fait tressaillir* (Troyat). *Un vif regard de Françoise la remercia* (Troyat).

Наш анализ многочисленных примеров с функциональной метонимией подлежащего (функционально-семантическим переименованием позиции подлежащего) показал, что в пропозитивных синтагмах часто имеет место синтагматическая зависимость метафоризации глагола-предиката от метонимии в рамках пропозитивного номинанта. Подобные мысли мы нашли в отдельных работах, в которых говорится о синтагматической производности метафоры [Дюбуа, Эделин, Клинкаенберг 1986: 232-233; Хованская 1984: 291–292].

З.И. Хованская, в частности, утверждает по этому поводу, что «метафоризация очень часто бывает связанной с метонимической транспозицией значения» [Хованская 1984: 291-292]. Такая метафора может быть названа *синтагматически обусловленной метафорой и связанной с семантическим согласованием на уровне предварительного рассогласования (метонимизации)*: *Que diras-tu ce soir, pauvre âme solitaire Que diras-tu, mon coeur...?* (Baudelaire). *Paris a froid Paris a faim* (Eluard) [Кручинкина 1999в: 38].

В таких условиях, т.е. рамках пропозитивного номинанта «метонимия связана с полной трансформацией актуализирующегося значения, т.е. с эксплицитным возникновением нового значения в специфических контекстуально-ситуативных условиях» [Хованская 1984: 290].

Эту «трансформацию» можно интерпретировать и как лексическое рассогласование (диссимилиацию): *...ses yeux riaient* (Simenon). *... ses yeux descendirent sur la ville* (Saint-Exupéry). *Puis elle jeta un coup d'oeil à la silhouette qui s'éloignait* (Colette). *Le malheur s'est étendu partout...* (Desbordes-Valmore). Так, изолированно от контекста лексема *yeux* не может иметь общих сем с лексемами *rire* и *descendre*, лексема *silhouette* с лексемой *s'éloigner*, лексема *malheur* с лексемой *s'étendre*.

Лексическое рассогласование производит особый стилистический эффект при последующей синтагматически обусловленной метафоре: *Une voix, derrière la porte, cria...* (Maurois). *La feuille de présence circulait entre les élèves...* (Troyat). *La messe déroulait sa magnifique liturgie* (Troyat). Ср.: *Дверь из кабинета пропустила Филиппа Филипповича* (Булгаков).

Создается эффект персонификации – самопроизводящегося, как бы мистического действия. На самом же деле персонификация являет собой

результат предыдущей метонимизации, которая в свою очередь есть следствие синтаксической трансформации. Метонимизация подлежащего на лексическом уровне при синтаксической трансформации ядерного предложения и при синтагматически производной в этих условиях метафоре производит тройной стилистический эффект: *Les cinémas du quartier ont déversé dans la rue un flot de spectateurs* (Camus). Так, в данном пропозитивном номинанте агент действия *spectateurs* в синтаксической функциональной структуре номинанта занимает позицию *прямого дополнения*, а не подлежащего, что дополняет лексическое рассогласование.

Подобное лексическое рассогласование в пропозитивных номинантах создает повышенную экспрессивность именно на лексическом уровне: ...*les colons allaient à l'église. Le reste allait à la maison* (Pozner). Ср.: *Дверь в кабинет... проглотила неизвестного...* (Булгаков), другие воспринимаются лексически как нормативные комбинации: *La porte s'ouvrit ...* (Troyat). *Le wagon roulait au fond d'un ravin* (Maurois) [Кручинкина 1999в].

Метонимия и метафора могут выступать в совмещенном виде. Можно также отметить синтагматическое чередование метафоры (... *он очутился на узкой и темноватой площадке и увидел открытую пасть освещенного лифта* (Булгаков)), переходящей в метонимию (*Сердце ушло в ноги Короткову, пасть принимала квадратную одеяльную спину и черный блестящий портфель* (Булгаков)) или чередование метонимической и прямой номинации в форме одной и той же лексемы: *Череп тихо визжал и трясся. Минуты через три крышку черепа с Шарика сняли.* (Булгаков). *Лишь только первый грузовик..., выехал в переулок, служащие раскрыли рты, и весь переулок огласился популярной песней. Второй грузовик подхватил, а за ним и третий* (Булгаков) [Кручинкина 1996а: 86; Кручинкина 1999в: 39] *Les jouaux spécialisés publiaient sa photographie* ← *On publiait sa photographie dans les jouaux spécialisés. Un disque jouait en sourdine; une chanson langoureuse, en italien.* ← *On faisait jouer un disque. La porte s'ouvrit.* ← *Carole ouvrit la porte.* [Кручинкина 1998а: 26].

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 3. С. 251–262.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. 416 с.

3. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филол. науки. 2001. № 4. С. 79–86.
4. Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2001. Т.60. № 2. С. 40–55.
5. Гак В.Г. Беседы о французском слове. М.: Междунар. отношения, 1966. 336 с.
6. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977а. С. 230–293.
7. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Междунар. отношения, 1977б. 264 с.
8. Гак В.Г. Об использовании идей симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Калинин, 1980. С. 41–51.
9. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., Высш. шк., 1986. 312 с.
10. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
11. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
12. Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М. и др. Общая риторика / Пер. с фр.. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
13. Кручинкина Н.Д. Некоторые закономерности формирования структурно-семантических отношений в глагольном словосочетании и несвободные сочетания слов // Лексико-грамматические исследования. Калинин, 1984. С. 67–77.
14. Кручинкина Н.Д. Взаимодействие морфологических, синтаксических и семантических факторов в формировании предложения // Взаимоотношения единиц разных уровней языковой структуры. Саранск: Мордов. ун-т, 1985а. С.101–106.
15. Кручинкина Н.Д. Лексико-грамматические характеристики актантов и семантика глагола в предложении // Взаимоотношения единиц разных уровней языковой структуры. Саранск: Мордов. ун-т, 1985б. С.87–93.
16. Кручинкина Н.Д. Транспозиция компонентов простого предложения // Лексические и синтаксические единицы и текст. Иваново, 1990. С. 63–70.

17. Кручинкина Н.Д. Согласование единиц как общезыковая закономерность // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. В 2 т. М., 1995. Том 1. С. 277–278.
18. Кручинкина Н.Д. Неодушевленное подлежащее: семантическая морфология, синтагматическая семантика // Вопросы французского и сопоставительного языкознания. М.: МГУ, 1996а. С. 82–89.
19. Кручинкина Н.Д. Синтагматически обусловленная метонимическая номинация // Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад. Набережные Челны: Нижегородский гос. лингвистич. ун-т, Ин-т управления г. Набережные Челны, 1996б. С. 148–149.
20. Кручинкина Н.Д. Метонимическое обозначение подлежащего // Актуальные проблемы романистики. Смоленск: Смоленский ГПУ, 1998а. С. 23–28.
21. Кручинкина Н.Д. Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998б. 104 с.
22. Кручинкина Н. Д. Взаимодействие метафоры и метонимии в глагольно-именной пропозитивной синтагме // Материалы IV научной конференции молодых ученых Мордовского государственного университета имени Н.П.Огарева. В 3 ч. Саранск: Мордов. ГУ, 1999а. Ч.3. С. 133–135.
23. Кручинкина Н.Д. Семантическое согласование субстанциональных компонентов пропозитивного номинанта // Актуальные проблемы романистики. Язык – общество – культура. Саратов, 1999б. С. 93–94.
24. Кручинкина Н.Д. Экспрессивная функция метонимии в пропозитивном номинанте // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск, 1999в. С. 38–40.
25. Кручинкина Н.Д. Варианты семантической сочетаемости конститuentов пропозитивной синтагмы // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальности. Саранск: СВМО, 2000. С. 330–332.
26. Кручинкина Н.Д. Обязательная семантическая избыточность и семантическое согласование // Лингвистические основы межкультурной коммуникации в сфере европейских языков. В 2 ч. Н.Новгород, 2002. Ч. 1. С. 86–91.
27. Кручинкина Н.Д. Синтагматически обусловленная метафора в пропозитивной синтагме. // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Материалы международной научной конференции 14-15 ноября 2003 г. В 2 ч. - Ч.1. - Н.Новгород, 2003. С. 107–108.
28. Кручинкина Н.Д. Интерпретация метонимии в современной лингвистике // Nota bene. № 8. Саранск, 2004. С. 40–43.

29. Кручинкина Н.Д. Транспозиция как языковая универсалия // Общетеоретические и практические проблемы языкознания и литературоведения. Екатеринбург: РГППУ, 2008. С. 117-118.
30. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
31. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во лит.на иностр.язык., 1962. 490 с.
32. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
33. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
34. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш. школа, 1982. 272 с.
35. Раевская О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз., 1999. Т. 58. № 2. С. 3–12.
36. Раевская О.В. Метонимия в слове и в тексте // Филол. науки. 2000. № 4. С. 49–55.
37. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988: пер. с фр. 654 с.
38. Хованская З.И. Стилистика французского языка. М., 1984. 344 с.
39. Bally Ch. Traité de stylistique. En 2 vol. P., 1919. V.1.
40. Baylon Chr., Fabre P. La sémantique. P.:Nathan, 1978. 334 p.
41. Baylon C., Mignot X. Initiation à la Sémantique du langage.. P.: Nathan, 2000. 255 p.
42. Dubois J. Grammaire structurale du français: le verbe. P.: Larousse, 1967. 224 p.
43. Duchaček J. Précis de sémantique française. Brno: Universita J. E. Purkině, 1967. 262 p.
44. Guiraud P. La sémantique. P.: PUF, 1966. 128 p.
45. Henry A. Métonymie et métaphore. P.: Klincksieck, 1971. 162 p.
46. Konrad H. Etude sur la métaphore. P.: Vrin, 1958. 173 p.
47. Kroutchinkina N. Symbolisme métonymique et impressionnisme métaphorique dans le syntagme propositionnel // XXII Congrès international de linguistique et philologie romanes. Bruxelles, 1998. P. 384.
48. Le Guern M. Sémantique de la métaphore et de la métonymie. P.: Larousse, 1973. 127 p.

49. Lehmann A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. P.: Dunod, 1998. 201 p.
50. Molino J. Antropologie et métaphore // Langages. 1979a. № 54. P. 3–124.
51. Molino J. Métaphores, modèles et analogies dans les sciences // Langages. 1979b. № 54. P. 83–102.
52. Mounin G. Clefs pour la sémantique. P.: Seghers, 1972. 286 p.
53. Niklas-Salminen A. La lexicologie. P.: Armand Colin/Masson, 1997. 188 p.
54. Pierrot A.H. Stylistique de la prose. P.: Belin, 1993. 319 p.
55. Rey-Debove J. Lexique. Sémiotique. P.: PUF, 1979. 156 p.
56. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. P.: Klincksieck, 1959. 659 p.
57. Touratier Ch. La sémantique. P.: Armand Colin/ HER, 2000. 191 p.
58. Tutescu M. Précis de sémantique française. Bucuresti-Paris, Klincksieck, 1975. 258 p.
59. Ullmann S. Précis de sémantique française. Berne, 1952. 334 p.

Маняйкина Н.В.
Екатеринбург, Россия

**«ЗАДАЧНЫЙ ПОДХОД» В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК УСЛОВИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Отток наиболее работоспособных педагогов из школы в другие сферы особенно актуален для системы языкового образования. Однако неудовлетворительное по численности молодое пополнение, когда только треть выпускников факультетов и институтов иностранного языка педвузов начинают работать по профессии, – это лишь одна сторона проблемы педагогических кадров. Сложность данных процессов заключается в том, что невозможно сориентировать будущих учителей иностранного языка на работу по специальности, не осуществив соответствующей подготовки, обеспечивающей формирование их профессиональной направленности, которая подразумевает готовность учителя к выполнению всех функций профессиональной деятельности, а не только собственно овладением языком.

Актуальность проблемы исследования вызвана необходимостью поиска форм, средств, определения условий для развития профессиональной направленности будущих учителей иностранного языка в ходе их обучения в педвузе.